

Глава 13. Производство

«А как будет с производством, – спросите вы, – как оно будет управляться?»

Мы уже видели, каким принципам должны следовать действия революции, если она является социальной и осуществляет свои цели. Те же самые принципы свободы и добровольного сотрудничества должны также направлять реорганизацию промышленности.

Первым воздействием революции становится сокращение производства. Всеобщая стачка, которая, как я предсказал, будет стартовой точкой социальной революции, сама по себе означает остановку промышленности. Рабочие откладывают свои инструменты, выходят на уличные демонстрации, и это ведёт к временному прекращению производства.

Но жизнь продолжается. Важнейшие потребности людей должны быть удовлетворены. На этой стадии революция живёт за счёт уже имеющихся запасов. Но исчерпать их было бы катастрофой. Ситуация остаётся в руках трудящихся: первостепенным делом становится немедленное возобновление работы индустрии. Организованный сельскохозяйственный и промышленный пролетариат завладевает землёй, фабриками, заводами, шахтами и комбинатами. На повестку дня встаёт теперь их самое энергичное использование.

Следует ясно понимать, что *социальная революция нуждается в более интенсивном производстве*, чем при капитализме, чтобы удовлетворить потребности широких масс, до этого живших в нищете. Это большее производство может быть обеспечено лишь самими рабочими, которые заранее приготовились к новой ситуации. Знакомство с процессом работы отрасли, наличие знаний об источниках сырья и решимость сделать необходимое довершат остальное. Рождённый революцией энтузиазм, освобождённая энергия и изобретательность должны получить полную свободу и пространство для нахождения творческих путей. Революция всегда пробуждает высокую степень ответственности. Вместе с новой атмосферой свободы и братства, она рождает понимание того, что для того, чтобы поставить производство на высоту потребления, необходимы упорный труд и строгая самодисциплина.

С другой стороны, новая ситуация сильно упростит нынешние очень сложные проблемы индустрии. Вам не стоит забывать о том, что капитализм из-за своего конкурентного характера, противоречивых финансовых и торговых интересов, включает множество запутанных и всё усложняющих вопросов, которые исчезнут с ликвидацией нынешних условий. Такие вопросы, как шкала зарплаты, цены продаж, требования существующих рынков и погоня за новыми рынками, нехватка капитала для крупных операций и слишком высокие проценты для платы по кредитам, новые инвестиции, воздействие спекуляции и монополии и целый ряд связанных с этим проблем, которые беспокоят капиталистов и делают сегодняшнюю индустрию столь сложной и тяжеловесной сетью, исчезнут. В настоящее время они требуют наличия целых исследовательских отделов и

высококвалифицированных людей, которые в состоянии распутать эти хитросплетения сталкивающихся намерений плутократии, множества специалистов для того, чтобы рассчитать нынешний уровень и возможности прибылей и убытков, и большого числа помощников, чтобы направлять корабль промышленности среди опасных скал, усеивающих хаотический курс капиталистической конкуренции в национальном и интернациональном масштабе.

Всё это автоматически исчезнет с социализацией промышленности и концом системы конкуренции, а потому проблемы производств намного облегчатся. Так что запутанный узел капиталистической индустрии не должен внушать страх за будущее. Те, кто уверяют, будто трудящиеся не в состоянии управлять «современной» индустрией, не учитывают упомянутые выше факторы. В день социальной реконструкции индустриальный лабиринт покажется куда менее устрашающим.

Попутно следует упомянуть о том, что и все иные сферы жизни также сильно упростятся в результате упомянутых перемен: многие обычаи, нравы, принудительные и нездоровые образы жизни естественным образом отомрут.

Далее нужно учитывать, что задача увеличения производства чрезвычайно облегчится с приходом в ряды трудящихся огромного числа тех, кого новые экономические условия высвободят для занятия трудом.

По данным последней статистики, в США в 1920 г. насчитывался 41 миллион лиц обоего пола, занятых профессиональным трудом при общем населении в 105 миллионов человек[17]. Из этих 41 миллиона, лишь 26 миллионов были действительно заняты в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве, остальные 15 миллионов составляли преимущественно люди, занятые в торговле, коммивояжёры, рекламщики и различные другие посредники нынешней системы. Иными словами, 15 миллионов человек были бы освобождены революцией в США для полезного труда[18]. Такая же картина с пересчётом на численность населения сложилась бы и в других странах.

Увеличение производства, необходимое в результате социальной революции, будет, таким образом, иметь в своём распоряжении дополнительную армию в несколько миллионов человек. Систематическое включение этих миллионов людей в промышленность и сельское хозяйство при помощи современных научных методов организации и производства способствовало бы в будущем решению проблем со снабжением.

Капиталистическое производство ведётся ради прибыли; сегодня больше труда затрачивается на то, чтобы продать вещи, чем на то, чтобы изготовить их. Социальная революция реорганизует промышленность на основе *потребностей* населения. Разумеется, на первом месте стоят жизненно важные потребности. Продукты питания, одежда, жильё – всё это самые первые потребности человека. Первый шаг на этом пути – это установление наличных запасов продовольствия и других товаров. Ассоциации трудящихся в каждом городе и общине возьмут это дело в свои руки для обеспечения равномерного распределения. Этим займутся рабочие комитеты каждой улицы и округа, в сотрудничестве с аналогичными комитетами города и штата и объединяя на федеративной основе свои

усилия по всей стране через генеральные советы производителей и потребителей.

Великие события и потрясения выводят на поверхность наиболее активные и энергичные элементы. Социальная революция приведёт к оформлению рядов классово сознательных трудящихся. Как бы они ни назывались – производственными союзами, революционно-синдикалистскими организациями, кооперативными ассоциациями, лигами производителей и потребителей – они будут представлять собой наиболее просвещённую и продвинутую часть трудящихся, организованных рабочих, сознающих свои цели и способы их достижения. Именно они станут движущей духовной силой революции.

С помощью промышленного оборудования и научной обработки земли, освобождённой от уз монополии, революция должна, прежде всего, удовлетворить самые элементарные нужды общества. Интенсивное выращивание и современные методы в земледелии и огородничестве сделали нас практически независимыми от природного качества почвы и климата. Благодаря достижениям химии, человек может сегодня в значительной мере создавать нужные ему почву и климат. Экзотические фрукты могут выращиваться на Севере и поставляться на тёплый Юг, как это происходит во Франции. Наука – это волшебник, который позволяет человеку справиться со всеми трудностями и преодолеть все преграды. Будущее, освобождённое от кошмаров системы прибыли и обогащённое трудом миллионов тех, кто сегодня не участвует в производстве, обеспечит самое большое благосостояние обществу. Такое будущее должно быть целью социальной революции; её девиз – хлеб и довольство для всех. Сначала хлеб, потом довольство и излишество. Да, даже излишество: ведь излишество – это глубоко укоренившаяся потребность человека, потребность его как физического, так и духовного существования.

Революция должна постоянно стараться достичь этой цели: она должна быть не чем-то, что можно отложить на будущее, но немедленной практикой. Революция должна стремиться дать каждой общине возможность обеспечить себя, стать независимой в материальном отношении. Никакая страна не сможет полагаться на помощь извне или на эксплуатацию колоний ради своей выгоды. Так делает капитализм. Целью анархизма, напротив, является материальная независимость – не только для отдельного человека, но и для каждого сообщества.

Это означает постепенную децентрализацию вместо централизации. Даже при капитализме мы наблюдаем проявления тенденции к децентрализации, несмотря на централистский по сути своей характер нынешней индустриальной системы. Страны, которые прежде полностью зависели от иностранных промышленных товаров, как, например, Германия в последней четверти 19 столетия, позднее Италия и Япония, а теперь и Венгрия, Чехословакия и т. д., постепенно освобождаются в промышленном отношении, разрабатывают свои собственные природные ресурсы, строят собственные фабрики, заводы и добиваются экономической независимости от других стран. Международные финансовые круги недовольны таким развитием и пытаются, насколько это возможно, затормозить этот прогресс, поскольку Морганам и Рокфеллерам гораздо прибыльнее удерживать такие страны, как Мексика, Китай, Индия или Египет, в состоянии индустриальной отсталости, чтобы эксплуатировать их природные ресурсы и одновременно обеспечивать внешние рынки для сбыта «сверхпроизводства» собственных стран. Правительства крупных

финансистов и промышленных магнатов помогают им обеспечить себе внешние природные ресурсы и рынки, если надо – с помощью штыка. Так Британия силой оружия заставила Китай позволить английскому опиуму травить китайцев, получая хорошие прибыли, и использовала все доступные средства для того, чтобы иметь возможность продавать в этой стране большую часть своей продукции текстиля. По той же самой причине Египту, Индии, Иордании и другим зависимым территориям и колониям не разрешается развивать свою собственную промышленность.

Короче говоря, капитализм стремится к централизации. Но свободной стране нужна децентрализация, независимость, и не только политическая, но также промышленная, экономическая.

Впечатляющим примером того, насколько действительно важна экономическая независимость, особенно для социальной революции, служит Россия. Ещё долгие годы после Октябрьского восстания большевистское правительство сосредотачивало свои усилия на том, чтобы добиться благожелательного отношения со стороны буржуазных правительств, получить от них «признание» и пригласить иностранный капитал принять участие в эксплуатации ресурсов России. Но капитал, опасаясь делать большие капиталовложения в ненадёжных условиях диктатуры, отказывался реагировать с должной степенью энтузиазма. Россия постепенно приближалась к экономическому краху. В конце концов, положение вынудило большевиков осознать, что ради выживания страна должна завестись от собственных усилий. Россия стала искать средства помочь себе сама. Тем самым она завоевала больше доверия к собственным возможностям, научилась опираться на свои силы и инициативу и начала развивать свою собственную промышленность. Это медленный и болезненный процесс, но необходимость, которая, в конце концов, сделает Россию экономически самостоятельной и независимой.

Социальная революция в каждой данной стране должна с самого начала стремиться к самостоятельности. Она *должна помочь себе сама*. Принцип самопомощи не следует понимать как отсутствие солидарности с другими странами. Наоборот, взаимопомощь и сотрудничество между странами, как и между отдельными людьми, могут существовать лишь на основе равенства, среди равных. При наличии *зависимости* это невозможно.

Если социальная революция наступит одновременно в нескольких странах – например, во Франции и в Германии – тогда их совместные усилия будут делом само собой разумеющимся, и это сделает задачу революционного преобразования ещё проще.

К счастью, рабочие начинают понимать, что их дело носит интернациональный характер: организация труда теперь развивается поверх национальных границ. Надо надеяться, что недалеко то время, когда весь пролетариат Европы сможет соединиться во всеобщей стачке, которой предстоит стать прелюдией к социальной революции. Разумеется, это та точка, к которой следует стремиться как можно скорее. Но в то же время стоит считаться с возможностью того, что революция произойдёт в одной стране раньше, чем в другой, – скажем, во Франции раньше, чем в Германии, – и в этом случае Франции будет необходимо не ждать возможной помощи извне, а немедленно направить всю свою энергию на то, чтобы помочь самой себе, удовлетворить самые основные потребности своего населения своими

собственными силами.

Каждая страна, переживающая революцию, должна стремиться достичь сельскохозяйственной независимости не меньше, чем политической, и обеспечить самопомощь в промышленности не меньше, чем в сельском хозяйстве. Этот процесс в известных рамках идёт и при капитализме. Он должен стать одной из главных целей социальной революции. Современные методы делают это возможным. Например, производство часов, бывшее прежде монополией Швейцарии, сейчас осуществляется в любой стране. Производство шёлка, раньше ограничивавшееся Францией, сегодня стало одной из крупнейших отраслей промышленности многих стран. Италия, не имеющая запасов железа и угля, строит корабли со стальной бронёй, то же самое делает и Швейцария, не в большей степени богатая такими запасами.

Децентрализация избавит общество от многих бед централистского принципа. С политической точки зрения, децентрализация означает свободу; с промышленной – материальную независимость; с социальной – уверенность и довольство для небольших общин; с индивидуальной точки зрения – она несёт человечность и свободу.

Точно так же, как независимость от заграницы, для социальной революции важна децентрализация внутри собственной страны. Внутренняя децентрализация означает, что крупные регионы и даже каждая община по возможности самообеспечиваются. В своей доходчивой и наводящей на размышления работе «Поля, фабрики и мастерские» Пётр Кропоткин убедительно показал, что даже такой город, как Париж, будучи в настоящее время почти исключительно торговым центром, может выращивать и производить в своих окрестностях достаточно продуктов питания для того, чтобы в изобилии снабжать своё население. Используя современную сельскохозяйственную технику и интенсивное земледелие, Лондон и Нью-Йорк могли бы жить за счёт продуктов, выращиваемых в непосредственном окружении. Факты таковы, что «наши средства к добыванию из земли всего, что нам нужно, при *каком бы то ни было климате и при какой бы то ни было почве*, настолько усовершенствовались за последнее время, что трудно сказать, где предел производительности земли. По мере того, как мы лучше изучаем способы добывания пищи из земли, этот предел с каждым годом всё более и более отходит в даль»[19].

Когда в какой-либо стране начнётся социальная революция, её внешняя торговля прекратится: импорт сырья и готовых изделий будет прерван. Страна может подвергнуться блокаде со стороны буржуазных правительств, как это произошло с Россией. Поэтому революция *вынуждена* стать самообеспечивающейся и производить ради собственных нужд. Даже отдельные части страны могут столкнуться с такой возможностью. Им придётся производить всё необходимое в своих собственных пределах и своими собственными силами. Только децентрализация может решить эту проблему. Страна должна таким образом реорганизовать свои действия, чтобы иметь возможность прокормить саму себя. Ей придётся вернуться к производству в малых масштабах, к домашнему производству и интенсифицировать сельское хозяйство, садоводство и огородничество. В этой ситуации проявят себя человеческая инициатива, освобождённая революцией, и человеческая изобретательность, побуждаемая необходимостью.

Вот почему необходимо ясно сознавать, что для интересов революции стало бы катастрофой подавлять малые предприятия, которые всё ещё широко распространены в различных европейских странах, или вмешиваться в их работу. Многие предметы повседневного спроса изготавливаются крестьянами континентальной Европы в свободные зимние часы. Это домашнее производство весьма велико и удовлетворяет важные потребности. Их уничтожение нанесло бы огромный вред революции. Именно так по-идиотски поступили российские большевики с их манией централизации. Когда страна, в которой происходит революция, подвергается атакам со стороны иностранных правительств, блокирована и лишена импорта, когда её крупная промышленность под угрозой развала или разваливается железнодорожная система, такое мелкое домашнее производство становится жизненным нервом экономической жизни: только оно может накормить и спасти революцию.

К тому же, такое домашнее производство – это не только мощный экономический фактор; оно имеет ещё и очень большую ценность для общества. Оно служит поддержанию дружеских связей между деревней и городом, побуждая обоих к более тесным и солидарным контактам. Действительно, домашнее производство служит само по себе выражением здорового духа общества, который издавна проявлялся в сельских сходах, общинных работах, народных танцах и песнях. Это нормальная здоровая тенденция в различных её аспектах должна поощряться и стимулироваться революцией ради общего блага.

Роль промышленной децентрализации в революции, к сожалению, недооценена. Даже среди прогрессивных трудящихся существует опасная тенденция игнорировать или недооценивать её значение. Большинство людей всё ещё находятся в плену марксистской догмы, согласно которой централизация «более эффективна и экономична». Они закрывают глаза на то обстоятельство, что мнимая «экономия» достигается за счёт здоровья и жизни работника, что «эффективность» низводит его до роли винтика индустриальной машины, отупляет его душу и убивает его тело. К тому же, при системе централизации управление промышленностью всегда сосредотачивается в руках немногих, создавая мощную бюрократию крупных промышленных боссов. Чистейшей иронией было бы, если бы революция стремилась к такому результату. Это означало бы создание нового класса хозяев.

Революция может достичь освобождения труда лишь путём постепенной децентрализации, превратив отдельного рабочего в более сознательный и определяющий фактор процесса производства, в импульс, от которого исходит вся промышленная и социальная деятельность. Глубинное значение социальной революции состоит в уничтожении господства человека над человеком и замене его управлением вещами. Только так может быть достигнута свобода в промышленности и обществе.

«И вы уверены, что это будет работать?» – спросите вы.

Я уверен вот в чём: если это не сработает, то не сработает ничто. Описанный мной план – это вольный коммунизм, жизнь в добровольном сотрудничестве и с равной возможностью пользования. Нет иного пути обеспечить экономическое равенство, которое только и есть свобода. Любая другая система снова приведёт к капитализму.

Возможно, конечно, что страна, в которой идёт социальная революция, опробует различные экономические эксперименты. В одной части страны может быть введён ограниченный капитализм, в другой – коллективизм. Но коллективизм – это всего лишь другая система наёмного труда; она быстро проявила бы тенденцию к превращению в нынешний капитализм. Начиная с отмены частной собственности на средство производства, коллективизм тут же поворачивает назад, возвращаясь к системе вознаграждения за выполненную работу, что означает восстановление неравенства.

Человек учится на своих поступках. Социальная революция в различных странах и регионах, возможно, испробует разные методы и на практическом опыте научится идти наилучшим путём. Революция – одновременно и возможность, и оправдание этого. Я не пытаюсь предрекать, что станет делать та или другая страна, каким особым курсом она пойдёт. Я не собираюсь и заниматься предсказанием будущего или предписывать нормы поведения. В мои намерения входит лишь изложить в самом широком очерке те принципы, которыми должна вдохновляться революция, те общие ориентиры действия, которыми она должна руководствоваться, если хочет достичь своих целей – перестройки общества на основах свободы и равенства.

Мы знаем, что предшествующие революции по большей части терпели неудачу в достижении своих целей; они вырождались в диктатуру и деспотизм, а затем восстанавливали старые структуры угнетения и эксплуатации. Мы знаем это из прошлого и из недавней истории. Поэтому мы и приходим к заключению о том, что старым путём идти нельзя. В грядущей социальной революции должен быть провозглашён новый путь. Какой именно? Единственный, пока известный человеку: путь свободы и равенства, путь вольного коммунизма, анархии.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 апреля 2026 14:26:53

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 апреля 2026 14:27:06